

Когда Янь Хуайлин снова пришел в себя, пронизывающая, доходящая до самых костей боль едва давала дышать.

Лю Сямин отшвырнул пустое ведро и лениво протянул:

— Младший брат, ну же, взбодрись. На тебя сейчас жалко смотреть. Где твой боевой задор, а?

С этими словами он перехватил Змеиный бич Хэйянь и с оттяжкой полоснул им по изуродованной груди Янь Хуайлина.

Брызнула кровь. Янь Хуайлин, чьи губы потрескались от жажды, беззвучно задрожал — у него не осталось сил даже на крик. Он лишь дернулся, натянувшись между двумя тяжелыми цепями, точно иссохший труп.

Он потерял счет ударам. В какой-то момент острая боль сменилась сплошным невыносимым жжением, словно его заживо бросили в котел с кипящим маслом.

Когда истязание наконец прекратилось, Хуайлин был уже на грани смерти.

С тех пор пытки стали ежедневными. Лю Сямин приходил по расписанию, чтобы выплеснуть ярость: то обвинял его в исходе битвы в пещере Хуфэн-дун, то издевался над «лицемерием» школы Цзюэ.

Дни слились в бесконечную череду страданий. Хуайлин окончательно утратил чувство времени.

Но однажды в тишине подземелья раздался дрожащий шепот. С трудом открыв слипшиеся от запекшейся крови глаза, он попытался сфокусировать взгляд.

— Старший брат Янь...

Голос звучал совсем юно, почти по-детски.

Хуайлин не узнал его. Мучительно нахмурившись, он прохрипел:

— Кто здесь?..

В поле зрения появилось лицо незнакомого мальчишки. Подросток смотрел на него с ужасом и состраданием.

— Старший брат... — в голосе мальчика послышались слезы. Он робко протянул руку к плечу

Янь Хуайлина, но тут же отдернул ее, увидев, как тот искажился от боли. — Я Лу Цзи. Вы меня не знаете, но я... я помню вас.

Имя ничего не говорило Хуайлину. Откинув голову, он выдохнул:

— Лу Цзи?.. Прости... я не помню.

— Это неважно! Тогда вы спасли мою матушку... Старший брат, я никогда не забуду вашей доброты!

Хуайлин не помнил этого случая. Впрочем, когда он только пришел в школу Цзюэ, он часто ввязывался в дела, требующие справедливости. Кто знает, свидетелем какого из тех эпизодов стал этот ребенок.

Хуайлин хотел было улыбнуться ему, но почувствовал новую вспышку боли в лице. Он понимал, что сейчас больше похож на призрака из преисподней, чем на человека, и решил не пугать мальчика лишними гримасами.

— Старший брат... я знаю, что задумал Лю Сямин, — Лу Цзи боязливо оглянулся на дверь, проверяя, нет ли стражи. — Он содрал твое лицо, чтобы выдать себя за Хэйяня... за Черного гуся.

Хуайлин уже не удивлялся подлости Лю Сямина.

— Хочет очернить мое имя... — прошелестел он, — и заодно унижить Цзан Е. А золотые гвардейцы... станут его мальчиками на побегушках, пока он ищет свиток Ваньшоу.

— Возможно, он и хочет унижить вас с господином Цзаном, но у Учителя другие планы, — голос Лу Цзи стал совсем тихим. — На днях я подслушал их разговор... Учитель хочет воспользоваться случаем, чтобы... чтобы...

Договорить он не успел — в коридоре послышались шаги.

Лу Цзи мгновенно отпрянул. Мазнув ладонью по луже кровавой воды на полу, он плеснул ею на плеть и замахнулся, делая вид, будто только что нанес десятки ударов.

— Старший брат, притворись, что я только что пытал тебя! — шепнул он.

Хуайлину стало почти смешно. На нем и так живого места не осталось — как тут «притворяться»?

Дверь со скрипом отворилась. Вошел Лю Сямин. Увидев запыхавшегося, потного Лу Цзи, он довольно хмыкнул:

— Ого, младший брат Лу! Обычно ты тише воды ниже травы, а тут, смотри-ка, какая прыть. Не думал, что ты такой жестокий.

Лу Цзи обернулся к нему с абсолютно спокойным, даже слегка торжествующим лицом. Янь Хуайлин в душе поразился его выдержке.

— Благодарю за похвалу, старший брат.

Лю Сямин потрепал парня по волосам.

— Ну что, понравилось? Понравилось избивать нашего «героя»?

Лу Цзи широко, радостно улыбнулся:

— Очень!

Лю Сямин восхищенно покачал головой:

— Хм, молодежь нынче пошла... многообещающая. — Он мазнул брезгливым взглядом по Хуайлину. — Слышишь, младший брат Янь? В нашей великой школе Цзюэ достойная смена растет.

Хуайлин молчал, бессильно уронив голову на грудь.

— Ладно, если не натешился — продолжай, — бросил Лю Сямин. — А я загляну к Учителю, узнаю, нет ли новых распоряжений.

— Слушаюсь, — ответил Лу Цзи, провожая его взглядом.

Как только шаги затихли и стало ясно, что Лю Сямин покинул подземелье, мальчик снова бросился к Янь Хуайлину.

— Старший брат, простите! Если бы я не сказал этого...

— Всё в порядке... — выдохнул Хуайлин.

Возможность просто поговорить с кем-то уже казалась ему непозволительной роскошью.

— Твои раны... если их не лечить, будет плохо, — Лу Цзи с ужасом смотрел на изуродованное тело. — Если так пойдет и дальше, ты...

— Мальчишка... к чему эти похоронные речи? Я еще жив, — выдавил Хуайлин.

— Я должен вытащить тебя отсюда, — прошептал Лу Цзи. — Не прямо сейчас, но я что-нибудь придумаю.

Хуайлин нахмурился.

— Лу Цзи, Лю Сямин — не дурак. Если он заподозрит в тебе предателя, он убьет тебя на месте.

— Я не боюсь!

Хуайлин понял, что парень не осознает всей опасности.

— С его характером он не даст тебе умереть быстро. — Он тяжело вздохнул. — Ты разве не видишь, что он сделал со мной?

Лу Цзи замер на мгновение, но смотрел твердо:

— Всё равно. Смотреть, как мой спаситель гниет заживо — это хуже смерти. Я спасу тебя!

В этом подростке была какая-то упрямая, почти неистовая решимость. Глядя на него, Хуайлин невольно вспомнил себя в юности — ту же жажду действия. Только его тогда вела месть.

Лу Цзи больше не тратил слов. Вытащив из-за пазухи несколько флаконов, он принялся смазывать мазью раны на ногах Хуайлина.

— Эй... — подал голос тот. — Если кто-то увидит...

— Не увидят. Эта мазь без цвета и запаха, она мгновенно впитывается.

Хуайлин удивился:

— Откуда у тебя такие снадобья?

— Моя семья была из лекарей. Я немного смыслю в травах, ссадины и ушибы подлечить смогу.

Лу Цзи быстро закончил обработку и поспешил уйти, пока его не хватились. Его тайные визиты стали для Хуайлина единственной ниточкой, связывающей с жизнью, крохотным огоньком надежды в беспросветной тьме.

Однажды ночью, когда Хуайлин забылся тяжелым сном, его разбудил тонкий аромат благовоний. Открыв глаза, он увидел в темноте встревоженное лицо Лу Цзи.

— Старший брат Янь... — едва слышно позвал мальчик.

— Лу Цзи? Почему ты здесь в такой час?

— Старший брат... сегодня я выведу тебя отсюда!

Хуайлин окончательно проснулся.

— Что?

— Лю Сямин надел твое лицо, Учитель отправил его по делам... Не знаю, куда, но лучшего шанса не будет!

— Как мы пройдем? У дверей наверняка люди Лю Сямина.

Лу Цзи достал из-за пазухи круглый флакон и вложил пилюлю в рот Хуайлина.

— Прижми к небу и не глотай.

Хуайлин подчинился, ощутив во рту приятный холод.

— Я пустил по коридору дурманящий дым. Пилюля нейтрализует его действие.

Пораженный решительностью мальчишки, Хуайлин лишь кивнул. Лу Цзи ловко отпер кандалы на руках и ногах. Лишившись опоры, измученный Хуайлин повалился вперед, и парень едва успел его подхватить.

Раны натянулись. Хуайлин судорожно втянул воздух сквозь зубы.

— Старший брат! Простите!

— Ничего... — прохрипел он, когда перед глазами поплыли черные пятна.

Лу Цзи обмотал его грудь чистой тканью и присел перед ним:

— Старший брат, забирайся на спину!

— Нет... ты не донесешь.

— Забыли наши тренировки? Мы же таскали треножники в гору!

Вспомнив суровые уроки Учителя, Хуайлин замолчал. Он из последних сил навалился на спину мальчишки. Тот охнул, но уверенно поднялся.

Они осторожно двинулись через коридоры подземелья. Видя валяющихся без чувств тюремщиков, Хуайлин чувствовал, как по спине пробегает холодок. Если Лу Цзи надеялся потом вернуться в школу — это было чистое безумие.

Наконец они выбрались на поверхность.

Холодный ночной воздух хлынул в легкие. Хуайлин зажмурился, едва не плача при виде звездного неба. Но Лу Цзи не сбавлял темпа. Он бежал, пока они не добрались до густого леса у подножия незнакомой горы. Только там он осторожно опустил ношу на траву.

В лесу стояла оглушительная тишина. Глядя на изуродованное, лишенное кожи лицо Хуайлина, Лу Цзи едва сдерживал рыдания.

— Старший брат... ваше лицо... его нужно обработать, иначе начнется заражение...

Он не понимал, как Хуайлин вообще еще жив. Огромная потеря кожи — это верная смерть от инфекции.

— Ничего, — сипло отозвался Хуайлин. — В свитке Цзюньту были записи... как управлять меридианами, чтобы сдерживать кровь. Я просто пробую... пока получается.

— Раны на теле я вылечу, — Лу Цзи лихорадочно соображал. — Голос со временем тоже вернется. Но лицо... Без кожи вы не выживете. Это главная беда.

Он замолчал, глядя на Хуайлина с тяжелым намеком. Тот приподнял бровь:

— Что ты предлагаешь?

— Вам нужно новое лицо. Чтобы прижилось.

Хуайлин замер.

— Я не стану убивать ради этого.

— Нет, вы не поняли! — горячо возразил Лу Цзи. — В Гуаньчжоу полно бродяг. Каждый день кто-то умирает от голода или болезней. Если найти того, кто только что отошел в мир иной, и у кого нет родных...

— Нет. Я не стану осквернять усопших, забирая их лица. Я не потревожу их души.

Лу Цзи в отчаянии закусил губу:

— Но, старший брат...

— Благодарю за заботу, но я не опущусь до такого.

Понимая, что спорить сейчас бесполезно, Лу Цзи сменил тему:

— Ты говорил, у Дун Хуана свои планы. Что это значит?

Лу Цзи на мгновение задумался:

— На днях я слышал, как Учитель говорил с кем-то. Он хочет использовать историю с Черным гусем, чтобы стравить золотых гвардейцев и духовных лингуаней из всех пяти регионов. Выманить их... и уничтожить всех разом.

Хуайлин похолодел:

— Уничтожить всех? Сил одной школы Цзюэ на это не хватит. Это безумие.

Сейчас в Поднебесной царил мир, равновесие двух фракций обеспечивало покой людям. Чтобы развязать войну, нужны веские причины. Свиток Ваньшоу мог стать именно такой искрой.

Пока он размышлял, Лу Цзи начал осторожно накладывать чистые повязки на его лицо.

— Лу Цзи...

— Старший брат, послушайте меня... — голос мальчика дрожал. — Если не сделать пересадку, ваша жизнь угаснет.

Хуайлин хотел возразить, но тело было слишком слабым.

— И куда нам податься?

— У вас есть на примете лекарь здесь, в Тайяне? Кому вы доверяете?

Хуайлин вспомнил о Еман-цзюне из Янхуа и Байлан-цзюне из Цзюньту. Но до них — дни пути. К тому времени он станет кормом для червей.

— Нет. Никого.

Лу Цзи в отчаянии заломил руки, а потом внезапно рухнул перед ним на колени.

— Старший брат!

— Лу Цзи? Что ты делаешь? Встань!

— Если вам жаль бродяг — возьмите мое лицо! Срежьте кожу с меня!

Хуайлин вздрогнул всем телом.

— Что за чушь ты несешь?!

— Вы спасли мою мать! Моя жизнь принадлежит вам! Забирайте моё лицо, если это спасет вас!

— Замолчи! — Хуайлин попытался дотянуться до него, но боль скрутила внутренности. — Встань немедленно!

— Если вы не согласитесь на чужое — берите моё!

Мальчишка не двигался. Хуайлин, задыхаясь от боли и бессилия, прохрипел:

— Если ты не встанешь, я сам покончу с собой прямо здесь! Ты спас меня, ты мне больше ничего не должен!

— Но если вы умрете сейчас, мой труд будет напрасен! Я не спасу вас!

Хуайлин чувствовал, что проигрывает в этом споре. Ребенок был непреклонен.

— Что... что ты от меня хочешь?..

Лу Цзи, захлебываясь слезами, прошептал:

— В городе... полно тех, кому уже не помочь. Они умрут в сточной канаве, их тела выбросят на съедение псам. Если вы возьмете их обличье — вы продолжите их жизнь в этом мире. Их души найдут покой в вашей благодарности.

Хуайлин не верил в это. Но вид плачущего ребенка, готового принести себя в жертву, надломил его. Он отвел взгляд.

Заметив это молчаливое согласие, Лу Цзи вытер слезы:

— Я спасу вас, обещаю! Я верну вам лицо!

Хуайлин закрыл глаза. Он непроизвольно поморщился, что вызвало новый приступ боли.

В его груди клокотала ярость на Лю Сямина, обида на собственную слабость. Отчаяние едва не разорвало его разум. И в этом вихре боли внезапно возник образ одного человека.

Цзан Е.

Вся злоба и ненависть при мысли о нем превратились в горькую, жгучую тоску. Как же ему хотелось сейчас оказаться рядом с ним. Рассказать всё. Показать, через какой ад он прошел. Просто почувствовать его присутствие...

Хуайлин сжал кулаки, прогоняя это видение. Нельзя ломаться. Только не сейчас.

Лу Цзи смотрел на него с опаской, словно напроказивший ребенок.

Спустя долгое время Хуайлин поднял на него взгляд. Он хотел коснуться его руки, но побоялся испачкать одежду мальчика своей кровью.

— Хорошо, — выдохнул он.

Лу Цзи разрыдался с новой силой, но уже от облегчения. Он робко прильнул к плечу Янь Хуайлина.

— За что мне такая преданность? — тихо пробормотал Хуайлин, глядя на него с бесконечной нежностью. — Глупый ты...

— Не глупый... Ради вас — ничего не жалко.

У Хуайлина защипало в глазах, но он сдержался. Лишь тяжело вздохнул.

Лу Цзи быстро собрал вещи. Вскинув Хуайлина на спину, он направился к лесистым горам на окраине Гуаньчжоу.

Когда солнце начало золотить верхушки деревьев, они добрались до скрытой пещеры на склоне горы. Оставив Хуайлина отдыхать, Лу Цзи объявил, что пойдет в город — купить лекарств и... выполнить то, о чем они договорились.

Когда он уже собрался уходить, Хуайлин схватил его за край одежды:

— Ты подумал, что будет потом?

— Учитель ценит меня, я всегда был на хорошем счету и не вызывал подозрений. Они не подумают на меня.

Хуайлин поразился:

— Ты... ты собираешься вернуться?!

Лу Цзи простодушно кивнул:

— Да. Как только вылечу вас, я...

— Не смей! — отрезал Хуайлин.

Лу Цзи замер, опешив от такого резкого тона.

— Старший брат?

— Если ты вернешься, ты не выживешь, — покачал головой Хуайлин. — Лю Сямин беспощаден. Ты что, не видел, на что он способен?

— Но...

— Никаких «но». Пока я жив, я не позволю тебе идти в это логово змей.

Лу Цзи посмотрел на него, и вдруг его лицо смягчилось. Он тепло улыбнулся:

— Старший брат... вы и вправду так думаете?

Хуайлин протянул израненную ладонь и осторожно, едва касаясь, погладил мальчика по голове.

— Да.

<http://bllate.org/book/17493/1714122>